

УДК 903.7(470.51/.54)

ЕВСТЮНИХА I – НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ИЛИ СВЯТИЛИЩЕ? (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)

© 2026 Ю.Б. Сериков

Уральский государственный педагогический университет,
Нижний Тагил, Россия

Статья поступила в редакцию 15.01.2026

Ссылка для цитирования: Сериков Ю.Б. Евстюхина I – неолитическое поселение или святилище? (Среднее Зауралье). // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2026. Т. 8. № 1. С. 138-146.

Памятник Евстюниха I хорошо известен уральским археологам как однослойное неолитическое поселение. На нем выделен оригинальный тип неолитической керамики – евстюнихский. В научный оборот введен и каменный инвентарь поселения. Также опубликованы произведения искусства и предметы неутилитарного характера. Все эти публикации касаются полученных раскопками коллекций памятника. Однако характер памятника остался неизученным. Впадина на памятнике однозначно трактовалась как неолитическое жилище. Но в отчете указывается, что на месте впадины находилось четырехугольное сооружение с отсутствующей передней стенкой. В сооружении на разных уровнях зафиксировано шесть кострищ диаметром от двух до трех метров. Мощность прокала в некоторых очагах доходила до полуметра. Данные факты абсолютно не характерны для жилых сооружений. Скорее, они указывают на культовый характер данного сооружения. Сакральный характер памятника подчеркивается наличием перед сооружением жертвенника в виде костяка диаметром около двух метров и толщиной до 70 см. В нем найдено около 400 кальцинированных и обожженных костей двух особей лося. Малое количество костей туловища указывает на избирательное накопление костей головы и передних и задних конечностей. Культовую составляющую дополняет и ряд находок неутилитарного характера: фигурный молот в виде головы лося, глиняные скульптуры и обломки «утюжка». Суммирование всех полученных данных позволяет рассматривать памятник Евстюниха I не в качестве неолитического поселения, а как специфический культовый объект эпохи неолита.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, Евстюниха I, неолит, поселение, святилище, структура памятника, костяк, предметы неутилитарного характера.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-8-1-138-146

EDN: TLSBZR

Неолитический памятник Евстюниха I хорошо известен археологам Урала¹. Находится он на окраине пос. Евстюниха в черте г. Нижний Тагил (Свердловская обл.). Обнаружен он в 1964 г. тагильскими краеведами И.А. Орловым и Е.А Сокирко, которые собрали находки на распаханной части стоянки. В 1974 г. на памятнике были проведены рекогносцировочные раскопки экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея под руководством А.И. Россадович. А в 1975 г. ею же была исследована основная часть памятника. Всего раскопками вскрыто 324 кв. м.

Памятник занимает часть левого устьевого мыса небольшой речки (фактически ручья) Евстюниха при впадении ее в р. Тагил. Между мысом и рекой находится пойма шириной около 100 м. Высота мыса достигает до 7 м.

По продольной оси мыс вытянут с запада на восток. По материалам шурфов древним населением была освоена только центральная его часть площадью около 400 кв. м.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории. E-mail:: u.b.serikov@mail.ru

В 20 м от стрелки мыса находилась впадина овальной формы длиной около 8 м, шириной – 6 м и глубиной в центральной части до 0,65 м. Именно впадина и явилась основным объектом для исследования. Наличие на памятнике впадины, которую А.И. Россадович интерпретировала как жилищную, дало основание автору раскопок и последующим исследователям отнести памятник к поселениям. Раскопки выявили четырехугольные очертания сооружения, которые имели неправильную форму. С севера на юг оно было вытянуто на 6,7 м, а с запада на восток – около 6 м. Дно впадины находилось на глубине около 1,3 м. Вход шириной до 4 м располагался с южной стороны^А. Вряд ли вход мог иметь ширину в четыре метра. Скорее всего, «жилище» являлось сооружением с открытой передней частью. В сооружении на разных уровнях зафиксированы остатки шести кострищ. В центральной части сооружения располагалось кострище размером 3,0 × 2,2 м. В северной части кострище имело размер 1,8 × 1,5 м. В центре сооружения находился очаг, мощность прокала в котором доходила до 0,5 м. По мнению автора раскопок, костер «возобновлялся непрерывно». В среднем горизонте зафиксировано два крупных кострища. Еще один крупный (2,0 × 1,6 м) очаг с прокалом в 0,3 м находился на дне «жилища». В очаге обнаружено множество жженных косточек. Такое количество очагов и кострищ абсолютно не характерно для жилых сооружений. Проводить какую-нибудь хозяйственную или производственную деятельность в таком огненном окружении вряд ли было возможно. Скорее, они указывают на серию ритуальных действий, которые проводились в данном сооружении. Следует отметить, что на дне сооружения было найдено два крупных скопления фрагментов керамики и тальковый «утюжок».

В пользу культового назначения сооружения свидетельствует и наличие жертвенного кострища, находившегося в двух метрах к востоку от впадины. О данном объекте никто из археологов, писавших о памятнике, даже не упоминал. Но автор статьи неоднократно посещал раскопки и видел, что перед сооружением находился никем не упомянутый в публикациях жертвенник в виде кострища. И эти сведения нашли отражение в его полевых дневниках 1974–1975 гг. Кострище площадью 4 кв. м имело мощность до 0,7 м и было предельно насыщено жжеными косточками. В отчете 1974 г. А.И. Россадович описывает его как кострище 1.

Автору удалось обнаружить в археологических фондах Нижнетагильского музея-заповедника не разобранные пакеты с костями животных с Евстюнихи I. Находки были исследованы биологом П.А. Косинцевым. Комплекс содержал кальцинированные (352 экз.), обожженные (8 экз.) и сырые (43 экз.) кости двух особей лося. По мнению П.А. Косинцева, непропорционально малое количество костей туловища указывает на избирательное накопление костей головы и передних и задних конечностей^Б.

К сожалению, полная информация о раскопанном памятнике так и не была опубликована. Исследователей интересовал не памятник в целом, а его материалы: прежде всего произведения искусства (фигурный молот и глиняная скульптура)² и керамический комплекс (был выделен евстюнихинский тип керамики)³. Некоторые подробности об общей характеристике памятника присутствуют только в статье А.А. Герасименко⁴. Но поскольку статья была посвящена детальному анализу керамического комплекса (а именно это и интересовало всех исследователей неолита), то остальные аспекты памятника остались без внимания.

Комплекс находок на памятнике составил 9423 экз.: 5892 фрагментов керамики⁵ (рис. 1, 1–6) и 3502 экз. каменных изделий⁶ (рис. 2, 1–14; 3, 1–15). К ним нужно добавить глиняную скульптуру и 28 кусочков глины. Неолитическая керамика в коллекции представлена 5640

^А Здесь и далее приводятся сведения из отчетов А.И. Россадович за 1974–1975 гг.: научный архив Нижнетагильского музея-заповедника, ф. 2, оп. 2.

^Б Автор выражает благодарность П.А. Косинцеву за научную обработку фаунистического комплекса из жертвенника памятника Евстюниха I.

фрагментами (95,7 %). А.А. Герасименко выделено 123 неолитических сосуда (рис. 1, 1–6). По керамике в Киевской радиоуглеродной лаборатории получено две даты – 6320 ± 90 (Кі – 16039) и 6180 ± 90 (Кі – 16040). Среди каменных изделий присутствует небольшая примесь мезолита – 7,4 % (от числа каменных изделий) и 2,7 % (от всего комплекса).

После публикации В.Ф. Старкова в 1980 г. «поселение» Евстюниха I стало восприниматься как однослойный памятник⁷. Но детальный анализ керамического комплекса позволил А.А. Герасименко выделить в нем немногочисленные фрагменты керамики поздних эпох, что является важной особенностью данного памятника. Среди них присутствует керамика аятского типа эпохи энеолита (вторая половина III тыс. – начало II тыс. до н.э.) – 1 фр.; черкаскульского типа (XIV– XI вв. до н.э.) – 1 фр.; гамаюнского типа (IX–VII вв. до н.э.) – 9 фр.; иткульского типа (VII–III вв. до н.э.) – 9 фр.; кашинского типа (III в. до н.э. – III в. н.э.) – 7 фр.; батырского типа (V–VI вв. н.э.) – 1 фр.; петрогромского типа (VI–X вв. н.э.) – 1 фр. Кроме этого по примесям в тесте сосудов к средневековью отнесено еще 165 фрагментов стенок без орнамента⁸.

Единичность фрагментов поздней керамики разных хронологических типов не позволяет предполагать какую-нибудь производственную или хозяйственную деятельность на памятнике. Случайно попасть на памятник (в том числе и в сооружение) они не могли. Следовательно, они были принесены намеренно. Следует учитывать, что в каждом предмете заключено единство практического и символического значения. Поэтому «любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак, символ»⁹. Превращение вещи в

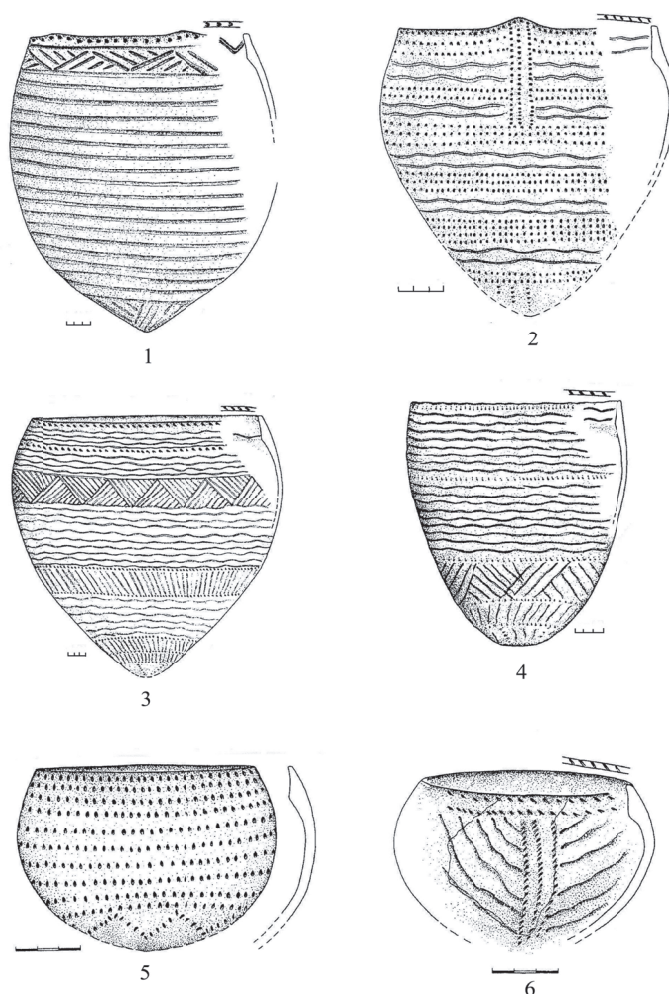


Рис. 1. Евстюниха I. Реконструкция неолитических сосудов (1–6; по: Герасименко А.А., 2008)

знак происходит при попадании ее в сакрализованное пространство. Количество очагов в сооружении являются свидетельством определенных сакральных ритуалов, т.е фиксируют сакрализованное пространство. Набор фрагментов керамики поздних эпох сформирован путем целенаправленного отбора, поэтому данный комплекс необходимо рассматривать в совокупности со всеми находками¹⁰. Это означает, что намеренно оставленные на памятнике фрагменты керамики поздних эпох обладали каким-то определенным семантическим наполнением.

Следует подчеркнуть, что археологи неоднократно обращали внимание на сакральный характер фрагментов расколотых сосудов. Отдельные фрагменты керамики были помещены на колени погребенных в неолитическом захоронении «шамана» в пещере на камне Дождевом (Свердловская обл.) и в энеолитическом погребении – Гладунино-3 (Курганская обл.)¹¹. Казахские исследователи алакульской культуры отмечают, что «глиняный черепок от разбитого горшка в обряде изменяет свою рядовую бытовую сущность, переходя в сферу сакрального, и приобретает новый знаковый смысл»¹². Подобной точки зрения придерживается и И.В. Усачева, которая считает, что семиотический статус битой посуды в древности был не менее высок, чем у целых сосудов¹³. Эти предположения совпадают с

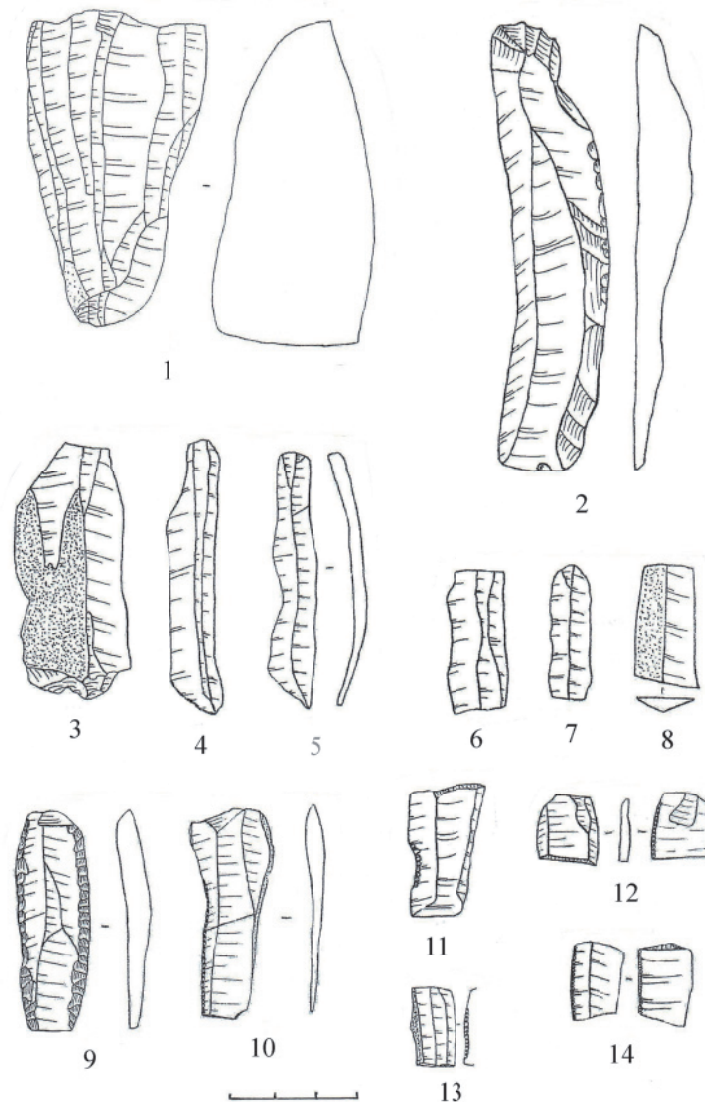


Рис. 2. Евстюниха I. Изделия из камня
(1 – нуклеус; 2 – комбинированное орудие; 3–8 – пластины без ретуши; 9–14 – пластины с вторичной обработкой)

мнением автора, который провел об использовании фрагментированных артефактов в ритуалах древности¹⁴.

Автор полагает, что культовый характер памятника Евстюниха I был хорошо известен не только местному неолитическому населению. В этом отношении он имеет большое сходство со святилищем на Кокшаровском холме, где также абсолютно преобладает керамика неолита (95 %), но присутствует и примесь керамики энеолита (аятского типа), бронзового века (коптыковского типа) и средневековья (батырского типа)¹⁵. Сходство

подчеркивается и наличием на холме фигурного молота в виде головы животного, но не лося, а бобра. И чтобы включить данный культовый объект в местную сакральную сферу, жители последующих эпох маркировали неолитическое святилище фрагментами разбитых сосудов. Эти действия, скорее всего, сопровождалось определенным ритуалом.

Что подобные знания могли сохраняться очень и очень долго свидетельствует пещерное святилище на камне Дыроватом (р. Чусовая). На нем представлены наконечники всех эпох от мезолита до средневековья. Это свидетельствует о том, что святилище активно функционировало во все эти эпохи¹⁶. Мало того, население поздних эпох знало не только о том, что в недоступной пещере находится святилище, оно знало и о том, какие ритуальные действия здесь производились (обряд стрельбы из лука в пещеру). И повторяли этот ритуал на протяжении тысячелетий.

Иногда сведения о древних святилищах доходят и до современности. Именно поэтому русское население, осваивая новые районы на территории Урала и Сибири, использовало топоним «Шайтан» для тех мест, где в древности находились культовые объекты и памятники¹⁷. На территории Среднего Зауралья ярким примером такого использования является Шайтанское озеро, где выявлены десятки культовых объектов в виде погребений разных эпох, человеческих жертвоприношений, ритуальных кладов, многочисленных изделий не утилитарного назначения¹⁸.

Таким образом, судя по количеству очагов и кострищ на Евстюнихе I, впадина на данном памятнике не могла служить жилищем. Она входила в состав культового сооружения с открытой передней частью. О культовом характере памятника свидетельствует и костница с сожженными костями лосей перед постройкой. Культовую составляющую дополняет и ряд находок не утилитарного характера: фигурный молот в виде головы лося (рис. 3, 17), фигурная галька также в виде головы лося, глиняная полиэйконическая скульптура (рис. 3, 18, 19), 2 фрагмента орнаментированного талькового «утюжка» (рис. 3, 16), 12 расколотых глиняных фигурок, 8 фрагментов керамических дисков и окрашенный охрой скребок. В этот комплекс нужно добавить и 96 кусков колотого жильного кварца серо-голубоватого цвета.

Куски колотого кварца, как и расколотая галька, практически всегда присутствуют в святилищных комплексах. На культовом озерном центре Шайтанское озеро I найдено 5480 кусков колотого жильного кварца. Около тысячи кусков колотого кремня обнаружено на святилище у подножья Писаного камня на р. Вишера. Практически во всех костницах гляденовской культуры Прикамья встречены целые и дробленые гальки. О.Н. Бадер допускал, что куски кремня являлись принадлежностью определенного ритуала и могли служить эмблемой огня¹⁹. По мнению А.Н. Лепихина дробление камня было связано, с одной стороны, с подземным миром, а с другой – с созданием новой жизни²⁰. Автор считает, что и культ огня, и обряд дробления с целью созидания – это разные проявления культа плодородия.

Анализ материалов отчетов о раскопках Евстюнихи I показывает, что и структура «поселения» и изделия не утилитарного назначения свидетельствуют не о поселенческом, а о ритуальном характере памятника.

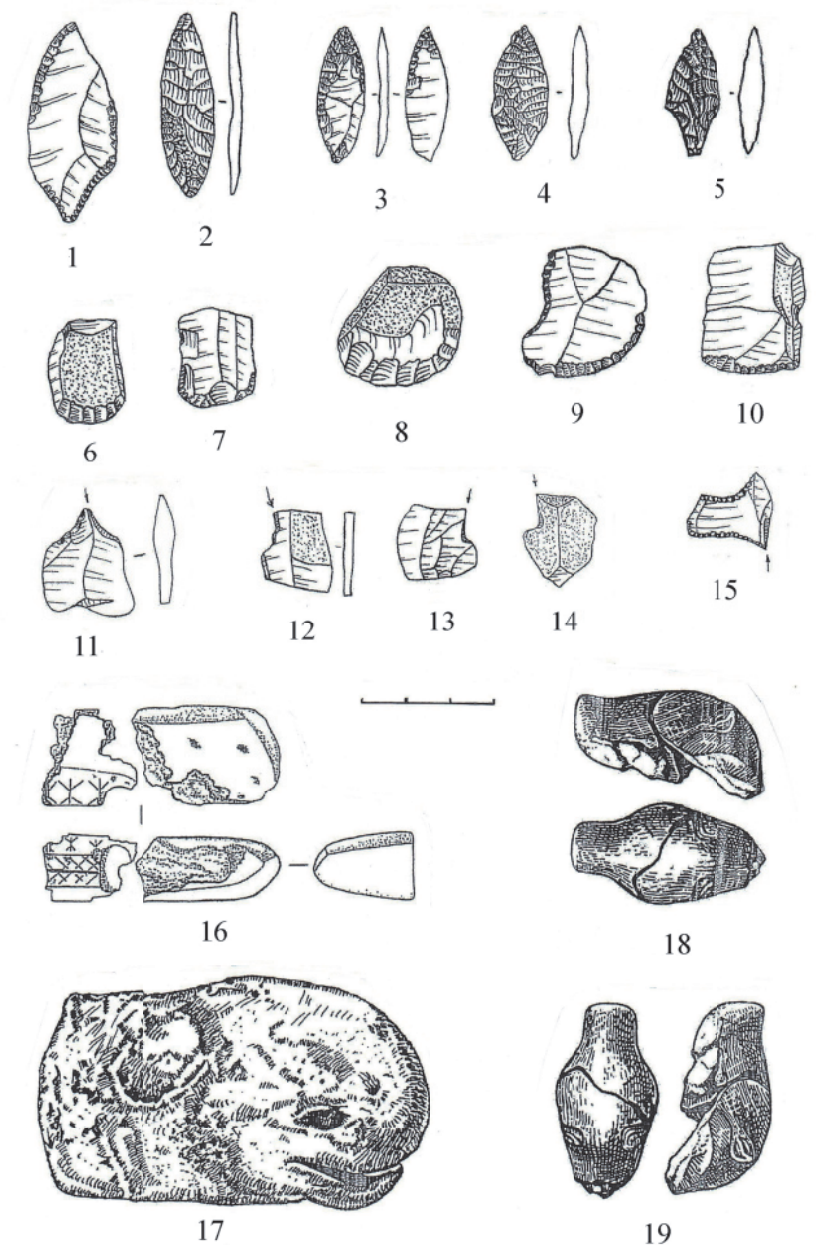


Рис. 3. Евстюниха I. Изделия из камня (1–17) и глины (18–19) (1–5 – наконечники стрел; 6–10 – скребки; 11 – остриё; 12–15 – резцы; 16 – фрагменты «утюжка»; 17 – фигурный молот в виде головы лося; 18 – глиняная скульптура (медведь); 19 – глиняная скульптура (птица))

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старков, 1980; Ковалева, 1989; Ковалева, Зырянова, 2001; 2008; Герасименко, 2003; 2008; Сериков, 2020.

² Россадович, Сериков, Старков, 1976.

³ Герасименко, 2003; 2008.

⁴ Герасименко, 2008, с. 45–48.

⁵ Герасименко, 2008, с. 48–71.

⁶ Сериков, 2020, с. 145–156.

- ⁷ Старков, 1980, с. 63.
⁸ Герасименко, 2008, с. 48.
⁹ Байбурин, 1983, с. 8.
¹⁰ Антонова, Раевский, 2002, с. 16.
¹¹ Сериков, 2025, с. 67.
¹² Усманова, Сураганова, 2021, с. 322–330.
¹³ Усачева, 2005, с. 158–161.
¹⁴ Сериков, 2025, с. 65–68.
¹⁵ Шорин, 2001, с. 166.
¹⁶ Сериков, 2009, с. 68–121.
¹⁷ Сериков, 1999, с. 81–84.
¹⁸ Сериков, 2013, с. 11–191.
¹⁹ Бадер, 1954, с. 256.
²⁰ Лепихин, 2007, с. 166.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Донецкий нац-ый ун-т, 2002. Т. 1. С. 11–26.
2. Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // Советская археология. 1954. Т. XXI. С. 241–258.
3. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 188 с.
4. Герасименко А.А. Евстюнихский тип керамики на памятниках горно-лесной части Среднего Урала // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы конференции. Пермь, 2003. С. 42–43.
5. Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 44–72.
6. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 82 с.
7. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2001. С. 45–56.
8. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 46–56.
9. Лепихин А.Н. Костища гляненовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007. 224 с.
10. Россадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // Советская археология. 1976. № 4. С. 185–190.
11. Сериков Ю.Б. Взаимосвязь топонима «Шайтан» с древними культовыми памятниками Урала // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Материалы конференции. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. С. 81–84.
12. Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.
13. Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.
14. Сериков Ю.Б. Каменный инвентарь неолитического поселения Евстюниха I (Среднее Зауралье) // Самарский научный вестник. 2020. Том 9. № 2 (31). С. 145–157.
15. Сериков Ю.Б. Использование фрагментированных артефактов в ритуалах древности // Зыряновские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции «XXIII Зыряновские чтения» (Курган, 4–5 декабря 2025 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2025. С. 65–68.
16. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
17. Усачева И.В. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Притоболья // АВ ОВО: проблемы генезиса культуры. Тюмень: изд-во Тюменского ун-та, 2005. С. 155–163.

18. *Усманова Э.Р., Сураганова З.К.* О значении фрагмента сосуда в погребальном обряде алакульской культуры или «шашу» по-андроновски (по материалам могильника Новоильиновский II, Казахстан) // Уфимский археологический вестник. Т. 21. 2021. № 2. С. 322–330.
19. *Шорин А.Ф.* Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.

REFERENCES

1. *Antonova E.V., Raevskij D.S.* Arheologiya i semiotika // Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii. Doneck: Doneckij nac-yj un-t,, 2002. Т. 1. S. 11–26.
2. *Bader O.N.* Zhertvennoe mesto pod Pisanyim kamnem na r. Vishere // Sovetskaya arheologiya. 1954. Т. XXI. S. 241–258.
3. *Bajburin A.K.* Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnyh slavyan. L., 1983. 188 s.
4. *Gerasimenko A.A.* Evstyunijskij tip keramiki na pamyatnikah gorno-lesnoj chasti Srednego Urala // Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arheologicheskoe soveshchanie: Materialy konferencii. Perm', 2003. S. 42–43.
5. *Gerasimenko A.A.* Harakteristika keramiki poseleniya Evstyuniha I // Voprosy arheologii Urala. Ekaterinburg – Surgut: Magellan, 2008. Vyp. 25. S. 44–72.
6. *Kovaleva V.T.* Neolit Srednego Zaural'ya. Sverdlovsk: UrGU, 1989. 82 s.
7. *Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu.* Neoliticheskie kul'tury Srednego Zaural'ya: genezis, sootnoshenie, vzaimodejstvie // Problemy izucheniya neolita Zapadnoj Sibiri. Tyumen': IPOS SO RAN, 2001. S. 45–56.
8. *Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu.* Prodolzhenie diskussii o zaural'skom neolite // Voprosy arheologii Urala. Ekaterinburg – Surgut: Magellan, 2008. Vyp. 25. S. 46–56.
9. *Lepihin A.N.* Kostishcha glyadenovskoj kul'tury v Srednem i Verhnem Prikam'e. Berezniki: Izdatel'skij dom «Tipografiya kupca Tarasova», 2007. 224 s.
10. *Rossadovich A.I., Serikov Yu.B., Starkov V.F.* Drevnejshaya skul'ptura lesnogo Zaural'ya // Sovetskaya arheologiya. 1976. № 4. S. 185–190.
11. *Serikov Yu.B.* Vzaimosvyaz' toponima «Shajtan» s drevnimi kul'tovymi pamyatnikami Urala // 120 let arheologii Vostochnogo sklona Urala. Pervye chteniya pamyati V. F. Geninga. Ch. 1. Iz istorii ural'skoj arheologii. Duhovnaya kul'tura Urala. Materialy konferencii. Ekaterinburg: Ural'skij gos. un-t, 1999. S. 81–84.
12. *Serikov Yu.B.* Peshchernye svyatilishcha reki Chusovoj. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2009. 368 s.
13. *Serikov Yu.B.* SHajtanskoe ozero – svyashchennoe ozero drevnosti. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2013. 408 s.
14. *Serikov Yu. B.* Kamennyj inventar' neoliticheskogo poseleniya Evstyuniha I (Srednee Zaural'e) // Samar'skij nauchnyj vestnik. 2020. Tom 9. № 2 (31). S. 145–157.
15. *Serikov Yu.B.* Ispol'zovanie fragmentirovannyh artefaktov v ritualah drevnosti // Zyryanovskie chteniya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «XXIII Zyryanovskie chteniya» (Kurgan, 4–5 dekabrya 2025 g.). Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2025. S. 65–68.
16. *Starkov V.F.* Mezolit i neolit lesnogo Zaural'ya. M.: Nauka, 1980. 220 s.
17. *Usacheva I.V.* K voprosu o sushchestvovanii ritualov zhilogo prostranstva i doma v eneolite Pritobol'ya // AB OVO: problemy genezisa kul'tury. Tyumen': izd-vo Tyumenskogo un-ta, 2005. S. 155–163.
18. *Usmanova E.R., Suraganova Z.K.* O znachenii fragmenta sosuda v pogrebal'nom obryade alakul'skoj kul'tury ili «shashu» po-andronovski (po materialam mogil'nika Novoil'inovskij II, Kazahstan) // Ufimskij arheologicheskij vestnik. Т. 21. 2021. № 2. S. 322–330.
19. *Shorin A.F.* Pervye predvaritel'nye itogi izucheniya Koksharovskogo holma (po materialam raskopok v 1995, 1997–1999 gg.) // Problemy izucheniya neolita Zapadnoj Sibiri. Tyumen': IPOS SO RAN, 2001. S. 162–169.

EVSTYUNIKHA I – A NEOLITHIC SETTLEMENT OR A SANCTUARY? (MIDDLE URALS)

© 2026 Yu.B. Serikov

Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russia

The site of Evstyunikha I is well known to Ural archaeologists as a single-layered Neolithic settlement. It features the original Evstunikhsky type of Neolithic ceramics. The stone inventory of the settlement has also been introduced to the scientific community. Works of art and objects of a non-utilitarian nature are also represented in publications. All these publications relate to the excavated collections from the site. However, the nature of the site remained unexplored. The depression on the monument was unambiguously interpreted as a Neolithic dwelling. However, the report indicates that the depression is actually a rectangular structure with a missing front wall. Six fire pits with a diameter of two to three meters have been recorded at different levels of the structure. In some of the fire pits, the thickness of the calcined soil was up to half a meter. These facts are not typical for residential structures. Rather, they indicate the cultic nature of this structure. The sacred character of the site is emphasized by the presence of a credence in the form of a bone deposit with a diameter of about two meters and a thickness of up to 70 cm in front of the structure. Approximately 400 calcified and burnt bones of two moose have been found in this pit. The small number of bones from the torso indicates a selective accumulation of bones of the head, as well as of the forelimbs and hindlimbs. The site's cult component is complemented by a number of non-utilitarian finds: a figurative hammer in the shape of a moose head, clay sculptures, and fragments of ironings. Summarizing all the data obtained, we can consider the site of Evstunikha I not as a Neolithic settlement, but as a specific Neolithic cult object.

Summarizing all the data obtained, we can consider the location of Eustunikha I not as a Neolithic settlement, but as a specific Neolithic cult object.

Keywords: Middle Transurals, Evstunikha I, Neolithic, settlement, sanctuary, site structure, bone deposit, non-utilitarian objects.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-8-1-138-146

EDN: TLSBZR